

СТАТУС ЧАСТИЦЫ *-ДЕР (-ДЫР)* КАК ПОКАЗАТЕЛЬ МОДАЛИЗАЦИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию эвиденциального и модального статуса частицы *-дер (-дыр)* в татарском языке. Рассматривается функционирование данной частицы с модальными и эвиденциальными значениями в соответствующих контекстах. Доказывается возможность «чисто» эвиденциального употребления данной частицы. Модальное функционирование данной частицы предполагает признание эвиденциальной системы татарского языка как модализованной. Эвиденциальная система татарского языка характеризуется тем, что показателям непрямого доступа придают значение эпистемической недо-стоверности – эпистемической модальности.

Ключевые слова: эвиденциальная система; косвенная эвиденциальность; модальность; эпистемическая модальность.

Наряду с описанием состава и структуры универсального грамматического набора, т.е. той совокупности значений, которые могут быть грамматикализованы в естественных языках, важность приобретает вопрос о внутриязыковом взаимодействии грамматических значений, о сосуществовании универсальных грамматических категорий в рамках конкретно-языковых глагольных систем. Особый интерес представляет взаимодействие категории эпистемической модальности (оценка степени достоверности высказывания) в языках с грамматикализованной системой эвиденциальных значений, к которым относится татарский язык [1. С. 489]. Вопрос о взаимодействии показателей эвиденциальности с другими грамматическими показателями глагола нуждается во всестороннем исследовании.

Задачей данной статьи является определение статуса частицы *-дер (-дыр)* с ее вариантом *-тер (-тыр)* в татарском языке как морфологического средства выражения категорий модальности и эвиденциальности. От признания ее статуса как модального или эвиденциального будет зависеть определение эвиденциальной системы татарского языка как модализованной.

Существуют разные точки зрения о соотношении модальности и эвиденциальности – от полного их разграничения до признания смежности двух категорий или выделения зон их пересечения.

Согласно концепции смежности двух категорий эпистемическую модальность связывают с инферентивным способом получения информации. В.А. Плунгян и ван дер Аувера [2] связывают обязательную необходимость выражения эпистемической модальности с определенным типом эвиденциального значения, утверждая существование зоны совмещения значений данных категорий. Их позиция состоит в следующем. Инферентивный способ получения информации (логический вывод на основании наблюдаемых результатов) приводит к выражению эпистемической модальности: обе категории имеют дело с вероятностью или суждением относительно других высказываний [Там же. С. 79–124]. С этой точки зрения не вызывает удивления тот факт, что часто при переводе на английский язык высказываний с инферентивным способом доступа к информации используется глагол *must* в эпистемическом значении: *В окне горит свет. Он, вероятно, дома.* → *The light is in his window. He must be at home.* Таким образом, инферентивный спо-

соб доступа к информации рассматривается как общая зона между модальностью и эвиденциальностью. Однако итальянский ученый Б. Скартини выступает против вышеупомянутой точки зрения. Инферентивный способ – это пограничный термин, нуждающийся в уточнении. Б. Скартини проводит разграничение между косвенным (*circumstantial* = перцептивный), общим (*generic* = презумптивный) и предположительными видами инферентивного способа [3. С. 114–134]. Анализируя итальянский язык, Б. Скартини утверждает, что инферентивный способ не всегда может одинаково сочетаться со слабой или сильной модальностью. Эпистемическая оценка выражается дополнительно, иногда через форму будущего времени путем высказывания догадок с различной степенью уверенности. Напротив, инферентивный способ не маркирует никак соотношенность с модальной возможностью или модальной уверенностью. На основании вышеизложенного Скартини приходит к следующим заключениям: 1) высказывания-догадки могут иметь разную степень уверенности; 2) инферентивный способ в будущем временном плане отличается модальной нейтральностью и только указывает, на основе каких причин сделано данное предположение [Там же]. Таким образом, нельзя говорить о соответствии между способом доступа к информации и определенной степенью уверенности [4. С. 211–234]. Данные выводы расходятся с мнением В.А. Плунгяна и ван дер Ауверы о том, что между этими двумя категориями существует взаимосвязь; напротив, они подтверждают мысль о полном их разграничении. По мнению Б. Скартини, нельзя утверждать о наличии конкретной смежной зоны, более точным является утверждение о наличии небольших зон, в которых происходит соприкосновение двух категорий в определенной точке [3. С. 114–134].

Утверждения о том, что маркеры репортативного способа доступа к информации выражают модальность, также вызывают сомнения. Языки с грамматической эвиденциальной системой представляют интересные примеры связи эвиденциального значения и эпистемической модальности [5. С. 223]. Т. Гивоном [6. С. 23–49] рассматриваются примеры из священного писания Ламы на одном из тибетских языков – это жизнеописание Будды, в котором постоянно фигурирует суффикс косвенной эвиденциальности. Использование данного суффикса не является указанием на

то, что автор сомневается в правдивости излагаемой истории, во всяком случае для буддистов данное описание является безупречно правдивым. Подобные примеры приводятся Р. Флойдом [7. С. 931] и М. Фаллером [8. С. 86] в языке кечуа. Ф. Де Хаан [9] и М. Фаллер [8] утверждают, что существуют языки, в которых подобного рода маркеры указывают только на источник информации или на мнение говорящего относительно достоверности сообщаемой информации. В таких языках выбор специфического эвиденциального значения не маркирован с прагматической точки зрения [1. С. 475].

Однако вернемся к точке зрения В.А. Плунгяна о смежности категорий. Исследователем отдельно рассматривается балканский тип модализованной эвиденциальной системы, трактуемой как бинарная система (генерализованная) с медиативным показателем широкой семантики [Там же. С. 479]. Определенные значения внутри семантической зоны эвиденциальности обнаруживают модальную природу. Эпистемические (оценка степени достоверности высказывания) показатели эвиденциальности являются единственными эвиденциальными показателями с жестко встроенным модальным компонентом и, точно так же, единственно модальные показатели могут иметь жестко встроенный эвиденциальный компонент [Там же. С. 481]. Показателям непрямого доступа приписывается значение эпистемической недостоверности, что является одной из наиболее распространенных модальных стратегий использования эвиденциальных показателей [Там же. С. 485]. Модальные стратегии различного типа характерны для бинарных систем, в которых немаркированной форме глагола противопоставлена форма с широким спектром как собственно эвиденциальных, так и значений эпистемической модальности и миративности (неожиданности). По мнению А.В. Плунгяна, эвиденциальность и модальность являются различными, но тесно связанными как синхронно, так и диахронно семантическими зонами, с общей зоной пересечения [Там же. С. 488]. Модализованная эвиденциальная система предполагает, что показатели непрямого доступа получают вторичные значения эпистемической модальности, к таким системам относятся главным образом бинарные эвиденциальные системы с маркированным медиативным показателем широкой модально-эвиденциальной семантики [Там же].

Д.Г. Тумашева, автор посвященного глаголу раздела в «Грамматике татарского языка» под ред. М.З. Закиева, пишет о предположительной модальности [10. С. 249–250]. Согласно ее точке зрения, в татарском языке имеется особая форма настоящего времени, не употребляемая без частицы *-дер (-дыр)* и выражающая предположительность. До выхода в свет данной работы в 1997 г. эта форма была исключена из изъяснительного наклонения и не рассматривалась в предшествующих трудах по грамматике татарского языка. Речь идет о форме на – *а торган*, которая принимает полные аффиксы лица и частицу *-дер (-дыр)*, выражающую сомнение, вероятность, предположительность в осуществлении действия. Полное название данной формы – форма настоящего-будущего

предположительного: *Ала торганмындыр / (я) беру (мол), Ала торгансыңдыр / (ты) берешь (мол)* и т.д. По мнению Д.Г. Тумашевой, предположительность в татарском языке может выражаться некоторыми временными формами глагола в сочетании с частицей *-дер (-дыр)*, лексическими средствами *бәлки / возможно, мөгаен / вероятно, булыр / так и будет, булса кирәк / нужно было бы, кирәк / необходимо* и др. Большинство современных исследователей, например Р.Р. Ахунзянова (2012), также квалифицируют данную частицу как модальную, это является неверным с нашей точки зрения, что и подтверждается материалом данной статьи.

В настоящем исследовании мы придерживаемся следующих положений:

1. Частица *-дер (-дыр)* несет значение эпистемической модальности. Пример реализации эпистемической модальности представлен ниже:

Бәлки бала чактагы кимсетү шундый мөһер калдыргандыр, бәлки шундый булып туганмындыр / Преследования в детстве оставили такой след, наверное; родилась я такой, наверное (13.11.2013). В данном примере частица *-дер* выражает эпистемическую модальность с низкой степенью уверенности, передаваемую в русском варианте словом *наверное*.

2. Частица *-дер (-дыр)* может присоединяться к любой части речи: *яңадер / новое (мол), килендер / невестка (мол), яхшыдыр / хорошо (мол)*.

3. Частица *-дер (-дыр)* может выражать только эвиденциальное значение в соответствующем контексте.

Задачей данной работы является доказательство того, что маркер эвиденциальности татарского языка не всегда совмещается с модальными значениями. В настоящем исследовании, вслед за Т. Гивоном, мы обратились к контекстам духовного содержания с целью выявления функционирования частицы *-дер (-дыр)* в немодальном значении. Нам удалось найти примеры, аналогичные приведенным Т. Гивоном. В качестве материала мы использовали высказывания из текстов духовного содержания, опубликованных в светских календарях («Татарский календарь», выпущенный редакцией «Акчарлак» в 2013 г.) в разделе «Дин вә йола (О духовном)» (к примерам указываются страницы календаря и приводится перевод авторов). Выбор календаря как одного из доступных средств массовой информации свидетельствует о сохранении функций данной частицы при переносе духовного контекста в светское издание. В русском языке в качестве соответствующей частицы нами приводится в переводе частица *мол*.

1. Дога – гыйбадәтнең *желегедер / Молитва – основа (мол) духовности* (29.03.2013). Имя существительное с частицей в функции сказуемого.

2. Мина *жәфа биргән нәрсәне алып, файдалы булганнарны калдырган Аллаһка мактау булсын, Аллаһым! Сине тәсбих итеп, мәгъфирәтеңә сыенәм. Әй Раббыбыз! Кайтуыбыз Сиңадыр! / Спасибо, Аллах, ты забираешь то, что приносит мне страдания, оставляешь то, что меня радует. Да обратимся мы все к тебе (мол)!* (28.09.2013). Местоимение в составе обращения с частицей.

3. «Сүбхәналлаһ» дию – Аллаһы Тәгаләне барча кимчелекләрдән пакълау димәктер / Произнесение слов

«субхан Аллах» ведет к тому, что ты очищаешься от всех невзгод таким образом (мол) (13.05.2013).

4. Бу көнне хөрмәтләү, гыйбадәт вә догалар кылып, Аллаһыга рәхмәтләребезне белгертү – һәр мөселманның бурычыдыр / В этот день почитание Аллаха, произнесение молитв и благодарностей ему является долгом (мол) каждого мусульманина (05.06.2013). Имя существительное с частицей в функции дополнения.

5. Бөек Пәйгамбәребез Хәзрәте Мөхәммәд: «Сезнең иң хәерлегез: Коръәнне өйрәнәп, соңра аны башкаларга өйрәткәнегездер», – диде / Великий Мухаммед сказал: «Самое благочестивое для вас: изучив Коран, потом других начинать обучение (мол)» (07.07.2013). Процессное имя с частицей в функции дополнения.

6. Галимнәр әйткәннәр: «Бисмилләһир-рахмәниррахиим» гарә хәрәфләре белән унтугыз хәрәфтер, монда дәхи файда бардыр / Ученые сказали: «В слове “бисмилла” всего 18 букв (мол), но в них духовная сила присутствует (мол)» (07.08.2013). Имя существительное с частицей в функции дополнения и глагол в форме настоящего времени с частицей в функции сказуемого.

А) Берсе иулдыр – газап фәрештәләренең олуглары унтугыздыр / Первое – это (мол) великих апостолов всего 19 (мол). Числительное и указательное местоимение употреблены с частицей.

Б) Икенче файда иулдыр – кич белән көн 24 сәгатьтер / Второе – это (мол) то, что ночь с днем всего 24 часа (мол). Существительное с частицей.

В) Шул 24 сәгатьтә биш вакыт намаз фарыздыр / В этих 24 часах пятиразовый намаз принесет пользу (мол). Существительное с частицей.

Г) Бу унтугыз хәрәфле «бисмилләһ» сәгать аралырында булган гөнаһларга кифәраттыр / Для грехов, содеянных между указанными часами намазов с произнесением священного 19-буквенного слова «бисмилла», это прощение (мол). Существительное с частицей.

7. Пәйгамбәребез бер хәдисендә әйтелгәнчә, жомга көндә шундый бер сәгать бар, ул сәгатьтә кылган догаларны Аллаһы кабул итәдер / Как сказано в писании, в пятницу есть такой час, когда все молитвы Аллах воспринимает (мол) (07.10.2013). Глагол в форме настоящего времени с частицей в функции сказуемого.

8. Әгәр ызымышны нәрсә дә булса узып китә торган булса, ул нәрсә – күз тиюдер / Если тебя что-то не должно коснуться, то это – сглазу подвергнуться (мол) (07.10.2013). Инфинитив с частицей в функции сказуемого.

9. Сәдаканың иң өстене – кешенең гыйлем өйрәнәп, соңыннан аны башкаларга өйрәтүдер / Самая большая милость человека – когда знания получив, потом других начинает обучение (мол) (07.10.2013). Инфинитив с частицей в функции сказуемого.

10. Мөхәммәд Пәйгамбәребез әйткән: «Гарәфә көннең уразасы ике ел тоткан уразага торадыр» / Мухаммед сказал: «Дневное воздержание от пищи (ураза) в праздничный день Гарафы двум годам дневного воздержания от пищи равняется (мол)» (07.10.2013). Глагол в форме настоящего времени с частицей в функции сказуемого.

Частица *мол* в русском переводе лишь формально указывает на присутствие в татарском варианте частицы *-дер (-дыр)*. Русская частица сохраняет свое модальное значение в переводах, что не приемлемо в татарском варианте, в котором данное значение отсутствует. В приведенных примерах частица *-дер (-дыр)* несет значение только косвенной эвиденциальности – отсутствия прямой засвидетельствованности. Использование данной частицы не является указанием на то, что автор данных высказываний не верит в их истинность. Ведь нельзя же усомниться в том, что *ул сәгатьтә кылган догаларны Аллаһы кабул итәдер – В тот самый час молитвы будут услышаны и получат благословение (мол?)*. Таким образом, данные примеры доказывают, что частица *-дер (-дыр)* в татарском языке может указывать только на источник информации – в данном случае священную книгу Коран – или на мнение говорящего относительно достоверности сообщаемой информации. Таким образом, доказывается возможность «чисто» эвиденциального употребления данной частицы. Однако мы признаем, что модальное функционирование данной частицы предполагает признание эвиденциальной системы татарского языка как модализованной.

Поддерживая концепцию В.А. Плунгяна, мы характеризуем эвиденциальную систему татарского языка следующим образом: 1) показатель непрямого доступа получает вторичные значения эпистемической модальности; 2) показателю непрямого доступа приписывается значение эпистемической недоуверенности – эпистемической модальности; 3) немаркированной форме противопоставляется форма с широким спектром как собственно эвиденциальных, так и модальных значений благодаря частице *-дер (-дыр)*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
2. Auwera Johan van der, Plungian V. Modality's semantic map // Linguistic typology 2. London, 1998. P. 79–124.
3. Squartini N. Epistemic modality and evidentiality // Application of cognitive linguistics series 6. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P. 114–134.
4. Cornillie B. Evidentiality and epistemic modality in Spanish (semi) auxiliaries. A cognitive-functional approach // Application of cognitive linguistics series 5. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 211–234.
5. Aikhenvald A. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 235 p.
6. Givón T. Evidentiality and Epistemic Space // Studies in Languages 6. London, 1982. P. 23–49.
7. Floyd R. The radial structure of the Wanka reportative // Cognitive linguistics in the redwoods. Berlin: In Eugene H. Casad (ed.), Mouton de Gruyter, 1996. P. 895–941.
8. Faller M. Semantics and pragmatics of evidentials in Cuzco Quechua. Stanford, CA dissertation, 2002. 234 p.
9. De Haan F. Evidentiality and epistemic modality: setting boundaries // Southwest Journal of Linguistics, 18. London, LASSO, 1999. P. 83–101.
10. Татарская грамматика. Т. 2: Морфология / ред. кол. М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, К.З. Зиннатуллина. Казань: Раннур, 1997. 397 с.

Татар календаре. Казан : Акчарлак, 2013. 400 б.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 июля 2014 г.

THE STATUS OF THE PARTICLE -DER (-DYR) AS AN INDICATOR OF THE MODAL EVIDENTIAL SYSTEM OF THE TATAR LANGUAGE

Tomsk State University Journal. No. 385 (2014), 24-27. DOI: 10.17223/15617793/385/4

Lutfullina Gyulnara F., Kadyrova Luiza B. Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russian Federation). E-mail: gflutfullina@mail.ru

Keywords: evidential system; indirect evidentiality; modality; epistemic modality.

The interaction of the epistemic modality category (assessment of the reliability of statements) with grammatically expressed evidential meaning systems (for example, the Tatar language) is of particular interest. Our task is to determine the status of particle - *der*, with its variant – *ter*, in the Tatar language as a means of expressing the morphological categories of modality and evidentiality. There are different points of view on the relationship between modality and evidentiality – from full recognition of their differentiation to the adjacency of the two categories or their intersection. The markers of the reportive access to information do not always express modality. According to the concept of the two categories adjacency, epistemic modality is associated with the inference way of getting information. Certain evidential meanings show the modal nature. The indicators of indirect access to information often get the value of epistemic uncertainty, which is one of the most common strategies to use modal evidential indicators. According to the traditional view, written in The Grammar of the Tatar Language, it is believed that the Tatar language has a special present tense which is formed by particle - *der* and expresses a certain degree of information reliability. Most modern scientists also qualify this particle as modal. However, this evidential marker does not always express the modal meaning. In this paper the following provisions are used: 1. Particle - *der* has the epistemic modality meaning. 2. Particle - *der* can be attached to any part of speech. 3. Particle - *der* can express only evidential meaning in appropriate contexts. Examples are taken from texts of the spiritual content published in calendars. They show that particle - *der* can function as non-modal. Thus, we prove the possibility of the "purely" evidential use of the given particle. The possibility of its modal functioning permits to recognize the modal evidential system of the Tatar language as moralized. Supporting V.A. Plungian's concept, the authors characterize the evidential system of the Tatar language as follows: 1) the indicator of indirect access to information receives secondary meanings of epistemic modality; 2) the indicator of indirect access to information acquires the meaning of epistemic unreliability – epistemic modality; 3) the unmarked form is contrasted with a form which has a wide range of evidential and modal meanings of epistemic modality due to particle - *der* (- *dyr*).

REFERENCES

1. Plungyan V.A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical system of the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2011. 672 p.
2. Van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic typology*, 1998, issue 2, pp. 79-124.
3. Squartini N. Epistemic modality and evidentiality. *Applications of cognitive linguistics*, 2008, vol. 6, pp. 114-134.
4. Cornillie B. Evidentiality and epistemic modality in Spanish (semi) auxiliaries. A cognitive-functional approach. *Applications of cognitive linguistics*, 2007, vol. 5, pp. 211-234.
5. Aikhenvald A. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 235 p.
6. Givón T. Evidentiality and Epistemic Space. *Studies in Languages*, 1982, vol. 6, no. 1, pp. 23-49.
7. Floyd R. *The radial structure of the Wanka reportative*. In Casad E.H. (ed.) *Cognitive linguistics in the redwoods*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1996, pp. 895-941.
8. Faller M. Semantics and pragmatics of evidentials in Cuzco Quechua. Stanford, 2002. 234 p.
9. De Haan F. Evidentiality and epistemic modality: setting boundaries. *Southwest Journal of Linguistics*, 1999, no. 18, pp. 83-101.
10. Zakiev M.Z., Ganiev F.A., Zinnatullina K.Z. (eds.) *Tatarskaya grammatika* [Grammar of the Tatar language]. Kazan: Rannur Publ., 1997. Vol. 2, 397 p.

SOURCES

Tatar kalendare [Tatars calendar]. Kazan: Akcharlak Publ., 2013. 400 p.

Received: 14 June 2014